НОВЫЕ НАХОДКИ ОССУАРИЕВ В САМАРКАНДЕ

© 2023. Богомолов Геннадий, Бердимурадов Амридин, Болиев Бахриддин
Национальный центр археологии АН РУз,
Самаркандский Институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: оссуарий, Еттигур, Кафиркала, Афрасиаб, погребение, некрополь, декор, зороастризм, культура.

Широкие археологические исследования, развернувшиеся в последние годы на территории Самарканда, позволили получить разнообразные и интересные археологические материалы, характеризующие различные стороны культуры его населения в разные исторические периоды. Особое место среди них занимают оссуарии. Несмотря на малочисленность находок, они проливают свет на художественную культуру и религиозные представления согдийцев в доисламский период. В статье рассматриваются последние находки оссуариев в Самарканде и его окрестностях. Один из них обнаружен случайно и происходит с современного мусульманского кладбища Еттигур, расположенного напротив северо-западного угла городища Афрасиаб. Второй представлен лишь богато орнаментированной крышкой. Но она была найдена в процессе раскопок дворца богатого горожанина на городище Кафиркала под Самаркандом и происходит из слоя заброса после пожара середины VIII века. Приводится их сопоставление с другими выявленными ранее астоданами и обосновывается их датировка. Отдельно рассматриваются элементы декора, их особенности и символическое значение. Тип оссуария из Еттигура ранее был известен только по небольшим фрагментам. Теперь впервые его удалось реконструировать полностью. Кроме того, находка оссуария из Еттигура может указывать на существование на северо-западной окраине Афрасиаба еще одного оссуарного некрополя VII–VIII вв.

SAMARQANDDAGI OSSUARIYLARNING YANGI TOPILMALARI

© 2023. Bogomolov Gennadiy, Berdimuradov Amridin, Boliev Baxriddin
O‘zr FA Milliy arxeologiya markazi
Y. G‘ulomov nomidagi Samarqand arxeologiya instituti

Kalit so‘zlar: ossuariy, Yettigo‘r, Kofirqal‘a, Afrosiyob, qabr, nekropol, dekor, zardo‘shtiylik, madaniyat

Samarqand hududida keyingi yillarda olib borilgan keng qamrovli arxeologik tadqiqotlar turli tarixiy davrlardagi aholi madaniyatining keng qirralarini tavsiflovchi qiziqarli arxeologik materiallarni olish imkonini berdi. Ular orasida ossuariylar alohida o‘rin tutadi. Topilmalar soni oz bo‘lishiga qaramay, ular sug‘dlarning islomgacha bo‘lgan davrdagi badiiy madaniyati va diniy g‘oyalarini yoritib beradi. Maqolada Samarqand va uning atrofidagi ossuariylarning so‘nggi topilmalari haqida so‘z boradi. Ular ilgari aniqlangan boshqa ossuariylar bilan taqqoslangan va ularning sanasi asoslangan. Dekor elementlari, ularning xususiyatlari va ramziy ma‘nosi alohida ko‘rib chiqiladi. Ulardan biri tasodifan topilgan va Afrosiyob shahrining shimoli-g‘arbiy burchagida joylashgan zamonaviy Yettigo‘r musulmon qabristonidan olingan. Ikkinchisi – faqat boy bezakli qopqoq bilan ifodalanadi. Lekin u Samarqand yaqinidagi qadimiy Kofirqal‘a yodgorligida bir badavlat shaharlik saroyini qazish paytida topilgan va VIII asr o‘rtalarida sodir bo‘lgan yong‘indan keyingi madaniy qatlamdan olingan. Ularning boshqa ilgari aniqlangan ostodanlar bilan taqqoslanishi keltirilib, ularning sanasi asoslab berilgan. Bezak elementlari, ularning xususiyatlari va ramziy ma‘nosi alohida ko‘rib chiqiladi. Yettigo‘rdan olingan ossuariyning turi ilgari faqat mayda bo‘laklardan ma’lum bo‘lgan. Endi u birinchi marta to‘liq rekonstruksiya qilindi. Bundan tashqari, Yettigo‘rdan ossuariyning topilishi Afrosiyobning shimoli-g‘arbiy chekkasida VII–VIII asrlarga oid yana bir ossuariy nekropol mavjudligidan dalolat berishi mumkin.

Находки оссуариев известны практически во всех регионах Средней Азии. Особенно многочисленны находки оссуариев в Хорезме и Согде (точнее в долинах Зарафшана и Кашкадарьи). Оссуарии представляли собой керамические или – реже – каменные контейнеры-гробики в виде ящиков прямоугольной или овальной формы. В Видевдате, в одной из дошедших до нас частей священной Авесты, говорится о том, что погребальная практика зороастрийцев состояла из нескольких этапов (Авеста 2008: 135–138), но связанная с ними обрядность получила разное развитие у зороастрийцев Ирана и Средней Азии. Так, в Средней Азии один из последних этапов был связан с оссуариями.

Функционально они предназначались для хранения после предварительного выставления очищенных костей умерших, сохранение которых (или точнее их определённой части) считалось необходимым для последующего воскрешения. Поэтому кости помещали в оссуарии или использовали в качестве последних крупные хозяйственные сосуды. Однако археологические работы показали, что не всех умерших помещали в оссуарии. Наряду с этим сохранялся обычай, когда тела умерших закапывали в землю, но чаще их помещали в специальные наземные постройки – склепы-наусы, где спустя некоторое время кости либо складывались в оссуарий, либо просто сдвигались в сторону или в угол камеры.

Вероятно, помещение костей в оссуарии являлось не обязательным, а скорее, желательным элементом погребальной обрядности. К тому же, по-видимому, форма оссуариев не была строго регламентирована определёнными религиозными догмами, поэтому практически во всех регионах одновременно соседствовали разные типы оссуариев.

Археологические материалы показывают широкое внедрение оссуарного обряда в погребальную практику населения Согда в раннесредневековую эпоху. Однако многие вопросы этой погребальной практики до сих пор остаются недостаточно изученными. Интерес к теме оссуариев перманентный, но дискуссии о них вспыхивают после появления новых ярких находок. Причём многие оссуарии вообще никак не орнаментированы, так как были ординарной погребальной практикой среди согдийцев – как среди горожан, так и сельских жителей. Тем не менее по-прежнему важной задачей остаётся сбор материалов, фиксация всех находок, их районирование, а так же изучение связанных с ними идеологических представлений, которые нашли отражение в их декоре.

Материал исследования. Одной из таких недавних находок является керамический оссуарий с кладбища Еттигур в Самарканде. Собственно Еттигур действующее мусульманское кладбище, которое охватывает возвышенный участок, расположенный на правом берегу Сиаба, напротив северо-западного угла городища Афрасиаб (рис. 1: 1; 1: 2). В древности этот участок был частью Афрасиаба или, по крайней мере, примыкал к нему. В 2022 году местные жители при рытье могилы наткнулись на погребение в оссуарии. Случайно или преднамеренно оссуарий был разбит. Позже фрагменты этого оссуария были переданы в Самаркандский институт археологии. Здесь выяснилось, что часть кусков стенок и днища резервуара утрачены (рис. 1: 3). Тем не менее Б. Н. Болиеву удалось сложить куски оссуария в форму и затем мастерски восполнить недостающие участки. В результате получился практически целый оссуарий (рис. 2).

В типологическом отношении оссуарий из Еттигура имеет невысокую корытообразную (подпрямоугольную в плане) форму с заоваленными углами и прямым краем верхушек стенок. Технически резервуар оссуария вылеплен из нескольких кусков глины, один из них был раскатан в прямоугольную пластину, которая стала основой – днищем резервуара. Второй – раскатан в длинную и широкую полосу (ленту). Последняя нижним краем по периметру крепилась к пластине-основе и образовывала основание стенки ящика. На неё сверху нарастили еще четыре ленты. Затем швы крепления были тщательно затёрты с внешней и с внутренней сторон. Причем стенки лицевой и тыльной сторон резервуара в средней части слегка отогнуты внутрь.

Черепок в изломе кирпично-красного цвета, плотный, глиняная масса хорошо промешана с добавками мелко толчёного гипса. При этом, несмотря на крупные размеры изделия, обжиг в норме. На лицевой стороне имеются пятна ложного светло-серого ангоба. Лицевая сторона затерта и декорирована (рис. 2: 2). Основной декор, который занимает большую часть поверхности стенок, представляет собой пояс с чередованием растительных побегов и вытянутых горизонтально в ряд шести фигурных отверстий, стреловидной и грибовидной формы. Эти стреловидные отверстия по краю охвачены древовидными ростками, которые выведены почти от дна изделия. Их веточки расходятся вверх и в стороны от ствола. Два крайних ростка в декоративной полосе прочерчены на углах резервуара. Выше над этой полосой посажена горизонтальная лента-валик с «защипами». Пространство между лентой с «защипами» и закраиной резервуара украшено горизонтально вытянутой ломаной линией. Причём лента с «защипами» и ломаная линия на 5 см заходят на торцевые стороны.

Рис. 1. 1–2. План городища Афрасиаб и расположение кладбища Еттигур;
3. Куски оссуария до реставрации
1-rasm. 1–2 – Afrosiyob shahar xarobasining samodan ko‘rinishi va Yettigo‘r qabristoni joylashgan joyi; 3 – ossuariy qismlari, restavratsiyadan oldin;
Figure1.1–2. Plan of the site of Afrosiab and the Yettigur burial ground. Pieces of the ossuary before restoration

Тыльная сторона оссуария не украшена, просто обтёрта. Закраина верхушки стенок – плоская, неровная, на отдельных участках имеет небольшой скос внутрь ящика, где с более узкой стороны на дне в ряд (по длинной оси) проделаны три отверстия, на расстоянии 4–4,5 см друг от друга. Возможно, таких отверстий было больше, т. к. не все участки днища сохранились. Крышка, к сожалению, не сохранилась. Возможно, она была пирамидальной или выпукло-овальной формы. Размеры: оссуария из Еттигура: длина – 65,5 см, ширина его у одного торца – 27,5 см, у противоположного – 25 см, высота – 23 см. Толщина стенок вверху – 1,4 см, внизу у днища – 1,7–1,8 см. Стреловидные отверстия в стенке высотой 11–11,5 см. К сожалению, сами костные остатки не сохранились, но размеры оссуария показывают, что он был рассчитан на кости взрослого человека.

Второй зарегистрированной находкой оссуария в Самарканде является крышка от керамического оссуария, полученная в процессе раскопок в шахристане городища Кафиркала (Раскоп № 5). Это был дом богатого горожанина, который на протяжении конца VII–VIII вв. трижды подвергался разрушениям, сопровождавшимся пожарами. Но спустя некоторое время дом обживался вновь. Слой разрушений, откуда происходит крышка оссуария, перекрывает горелый уровень из комков глины, половинок и целых кирпичей, некоторые из них прогорели до розового цвета. Слой заметно падает от стен помещения к его центру. Именно в этот слой второго (верхнего) пожара были брошены фрагменты оссуария. Видимо, оссуарий был разбит в другом месте, т.к. кости и собственно сам ящик-резервуар отсутствуют. Позже фрагменты были скомпонованы, склеены между собой реставратором

Рис. 2. Оссуарий из Еттигура после реставрации. 1 – вид сверху; 2 – вид с лицевой стороны; 3 – вид на торцевую часть
2-rasm. Yettigo‘r ossuariysi qayta tiklanganidan so‘ng. 1 – yuqoridan ko‘rinishi; 2 – old tomondan ko‘rinishi; 3 – yon tomondan ko‘rinishi.
Figure 2. Ossuary from Yettigur after restoration. 1 – top view; 2 – view from the front side; 3 – view of the end part

института археологии Бахриддином Болиевым. В результате это оказалась фрагментированная крышка оссуария с прорезным и налепным орнаментом (рис. 3).

Описание находки. Крышка вытянуто-овальной формы, вылеплена ленточным способом вместе с остальным туловом сосуда, затем срезана и дальше обрабатывалась отдельно. Черепок плотный, в изломе от розовато-серого до серого цветов, все это результат недообжига из-за крупных габаритов изделия. Внешняя поверхность грубовато обтерта и тем не менее богато декорирована. К сожалению, ручка – навершие крышки – отломана и утрачена. Лицевая и оборотная стороны декорированы по-разному. На лицевой стороне резко выделяются два элемента в виде ромбов с прорезным орнаментом. Они обведены рамкой из валиков. Внутри ромбов вырезан крупный четырёхлистник (рис. 3:1). Кроме того, ромбы охватывает схематический растительный орнамент в виде стелящихся побегов лозы, переданных прочерченными линиями, оконтуренными с двух сторон кружками (оттисками полой трубочки) и переходящими в тонкие валики, которые заканчиваются гроздьями из трёх или четырёх налепных кружков. В центре прочерчена трапециевидная фигура, заполненная косыми полосками, где прочерченные линии чередуются с рядами кружков-оттисков. Основание ручки и заштрихованный прямоугольник охватывает петля лозы с кружочками, которая опускается вниз двумя концами к срезу крышки. Кроме того, от прямоугольника вниз опускаются две ветки. Концы последних загнуты под прямым углом и направлены в противоположные стороны. С двух сторон ниже ручки были посажены две фигурки птиц со сложенными крыльями. Из них сохранилась лишь одна, от второй остался только след крепления (рис. 3: 1). Оборотная сторона. По нижнему краю нанесены вертикальные веточки (ёлочкой), верхушки которых обрамляют ленты из кружков-оттисков, нанесённых трубочкой (рис. 3: 2). Размеры крышки: длина – 51 см, наибольшая ширина в средней части – 26 см, высота (по основанию утраченной ручки) – 17,5 см. Крышка являлась частью овального в плане оссуария.

Анализ и обсуждение материала. В силу того, что археологический контекст и другие сопутствующие находки оссуария из Еттигура неизвестны, основным источником его датировки может служить лишь форма изделия и его орнаментация. Как тип оссуария (по форме, технике изготовления, приёмам и элементам декора) он определенно входит в группу согдийских оссуариев. Еще в 80-е годы XX века коллекции согдийских оссуариев в музейных фондах Самарканда, Ташкента, Бухары были обработаны Л. В. Павчинской (ею было учтено более пятисот фрагментов и целых экземпляров). В дальнейшем всё это вылилось в ее диссертационную работу, которая сравнительно недавно была опубликована (Павчинская 2019). В собранных ею материалах есть фрагменты со схожей ящичной формой и элемента-

ми декора, аналогичные оссуарию из Еттигура. Так, на фрагменте оссуария (№ МИС/2418) из раскопок М. К. Пачоса и Г. Дадабаева Юго-Западного некрополя на Афрасиабе лицевая сторона украшена крупными прочерченными ветками и большими отверстиями грибовидной формы (Павчинская 2019: 127; 220, рис. 14). К этой же группе относится находка пирамидальной крышки (с заметно скруглёнными гранями), на лицевой стороне которой вертикально прочерчена ветка, а по сторонам от неё вырезаны два грибовидных отверстия (Павчинская 2019: 315, рис. 153). Есть оссуарии, где лицевая сторона украшена только грибовидными отверстиями, расположенными в горизонтальный ряд (Павчинская, 2019: 220, рис. 15; 311: рис 151).

Тот же декор представлен на лицевых стенках фрагментированных оссуариев из наусов 2 и 3 с пригорода городища Кафиркала. Причем сами оссуарии также ленточной лепки, ящичной формы. Орнаментация их состоит из прочерченных крупных веток в сочетании с большими грибовидными отверстиями (Павчинская 2019: 328, рис. 174). Интересно, что иногда грибовидное отверстие обводится по краю короткими чёрточками, то ли имитирующим кладку, то ли исходящее от отверстия сияние.

Рис. 3. Крышка овального оссуария из раскопок на городище Кафиркала. 1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона
3-rasm. Kofirqal‘a shahar xarobasi qazishmalaridan topilgan tuxumsimon ko‘rinishdagi ossuariy qopqog‘i: 1 – old tomoni, 2 – orqa tomoni.
Figure 3. Lid of an oval ossuary from the excavations at the site of Kafirkala: 1 – front side, 2 – reverse side

Все это показывает, что как форма изделия, так и сама орнаментальная композиция были широко распространены в Самарканде и его окрестностях (Богомолов, Бердимурадов 2017; Павчинская 2019). В целом, несмотря на отсутствие археологического контекста, но опираясь на технику изготовления, характерную форму изделия, небольшую высоту стенок ящика, приёмы и характер орнаментации, а также аналогии среди оссуариев Самарканда и Кафиркалы, находку из Еттигура можно датировать VII – первой половиной VIII вв.

Крышка с Кафиркалы тоже не обнаруживает прямых аналогий среди корпуса согдийских оссуариев, собранного Л. В. Павчинской. Хотя если не отвлекаться на ее богатую орнаментацию, то по форме она представляет собой типичный образец крышки овального оссуария, верхушка которого обычно украшалась грибовидной ручкой или навершием в виде птички или – реже – антропоморфной головкой. В целом способ формовки изделия, форма крышки, элементы декора (растительные побеги и ветки, налепы, фигурка птички и, наконец, прорезной орнамент в виде четырёхлепестковых розеток) уверенно позволяют отнести её к VII – первой половине VIII вв. Все это вполне соотносится с данными стратиграфии, где слой с пожаром датируется 30-ми годами VIII века.

Отдельным вопросом является анализ символического значения элементов декора. Единого взгляда на символику и происхождение декора оссуариев среди исследователей нет, хотя все же большая часть исследователей поддерживает точку зрения, что элементы орнамента так или иначе связаны с идеей будущего возрождения. Тем более на оссуарии из

Еттигура и на крышке с Кафиркалы они неодинаковые. Хотя на обоих предметах общим является растительная орнаментация и отверстия в стенках. Причем отверстия могли сочетать декоративную функцию и символико-магическую, отражавшую архаические, дозороастрийские представления, где отверстия мыслились как выходы наверх для души. На крышке с Кафиркалы отверстия – это часть орнамента в виде треугольных прорезей, расположенных крестообразно внутри крупного квадрата, обрамляющих или формирующих четыре лепестка розетки (рис. 3). На оссуарии из Еттигура отверстия тоже составляют часть орнамента (рис. 2: 2). Они крупные, стреловидной или грибовидной формы, расположены в ряд и, скорее всего, имитируют проёмы окон. Но есть и отверстия, не связанные с орнаментом. Это круглые отверстия, также расположенные в ряд с одного края днища. Их практическое назначение непонятно, возможно, они, как предполагал Б.Я. Ставиский, имеют некое ритуальное значение (Ставиский 1952: 49).

Ветки растений, цветы в погребальных ритуалах символизирует смерть и возрождение, жизненную силу, жизненный цикл. Считается, что символически растения связаны с Великой Богиней-Матерью, богиней земли, плодородия и растительности, а также с плодородной силой вод, дающих жизнь. Изображения отдельных веток или целых кустов широко представлены на согдийских оссуариях (Богомолов 2020). Реже встречаются изображения виноградной лозы.

Стилизованное изображение виноградной лозы в виде пальметты есть на оссуарии из Сарытепа. Виноград и особенно виноградное вино в религиозных представлениях многих народов связаны с кровью и дионисийским культом, т.е. с культом умирающей и воскресающей природы (Павчинская, Ростовцев 1988: 100–101). Видимо, изображения поднимающихся вверх побегов виноградной лозы (как и веток) воспринимались как магический символ возрождения жизни. Следы подобных представлений доживают до наших дней. Так, ещё недавно в Фергане существовал обычай, противоречивший нормам ислама, класть что-либо в саван к умершему. Согласно этой традиции лица женщин, умерших весной, посыпали лепестками цветущего винограда, а зимой при захоронении в саван клали засушенные веточки райхона (базилика) (Кармышева 1986: 145). Кроме того, изображения веток растений и побегов на согдийских оссуариях переплетаются с символизмом Древа Жизни и, конечно, цикличности. Украшение жилища весной ветками с распустившимися листиками было частью весеннего ритуала плодородия, пробуждения после зимы и возрождения.

Не менее знаковая роль отводилась изображениям птиц чаще всего на крышке, реже на стенках оссуариев. На крышке из Кафиркалы по сторонам от ручки были помещены фигурки птиц. Их видовая принадлежность не определяется. Но в декоре оссуариев они тоже обычно выступают в качестве символа будущего возрождения (реинкарнации). Символика изображений птиц на оссуариях рассматривается исследователями по-разному. По мнению Ю. А. Рапопорта, фигурки птиц на крышках оссуариев представляют собой рудимент, восходящий к статуарным оссуариям, и символизируют парящего голубя, чье изображение заменило собой скульптуру богини Анахиты (Рапопорт 1971: 82). Другие указывают на то, что птицы связаны одновременно с землёй и небом, высоко поднимаясь к солнцу, поэтому в верованиях многих народов птицы, и в первую очередь голубь, считались воплощением души. Так в Месопотамии в конце II – середине I тысячелетия до н.э. считалось, что обитатели загробного мира были подобны «крылатым птицам». У хеттов одним из элементов погребального ритуала правителей было сжигание живых птиц или их чучел. В некрополе Урука кости птиц неоднократно фиксировались на крышке гроба, внутри гробов и даже вкладывались в правую руку умершего (Богомолов 2020). Больше того, в Ригведе голубь – вестник богини смерти (Ригведа 1999: 165). Другим вестником смерти мог выступать ворон. Его образ амбивалентен, как птица он связан с небом, но обладает черным цветом и питается падалью, поэтому его связывают с миром мёртвых. Примечательно, что, согласно зороа-

стрийским представлениям, птицы считались более предпочтительны для очистки трупов, так как, поднимаясь к небу, они очищаются солнечным светом. В пехлевийском Дадестан-и Дениг так и говорится – «ворона и подобные ей посредством опаления огнём (лучей) светила становятся достойной» (Мейтарчиян 1999: 106). Не исключено, что именно эти представления послужили толчком к появлению изображения птиц на согдийских оссуариях (Богомолов 2020). В любом случае в символике оссуариев их изображения маркируют небесную сферу, но семантически связаны как с миром мёртвых, так и с будущим возрождением.

Заключение. Таким образом, все элементы орнаментации на оссуариях из Еттигура и Кафиркалы отражают общую тенденцию, когда изображения на оссуариях практически всегда связаны с кругом представлений о загробном мире и верой в предстоящее возрождение к новой жизни. К сожалению, нередко исследователи, в том числе и Л.В. Павчинская, не рассматривают символическое значение формы оссуария и других элементов орнамента как взаимосвязанные значения. Например, оссуарий из Еттигура определённо изображает некое здание с большими грибовидными окнами. Причем вовсе не случайно на его лицевую сторону помещены изображения тянущихся вверх веток растений. Эти детали введены в декор, чтобы подчеркнуть особое значение строения – дворца, где всё цветёт и возрождается. Поэтому вполне логично видеть в них стремление изобразить определённое строение или место, где душа праведника ожидает будущего возрождения. Иными словами, мастер изобразил ожидающую умершего «обитель Арты» – Рай, или, точнее, «небеса», где обитают души праведников до их возрождения. Уже в Гатах образ рая прямо связывается со зданием и носит название «Гара-дмана» – «Дом Хвалы» или «дом вознаграждения» (Богомолов, Бердимурадов 2017). В зороастрийском «Дадестан-и меног и храд» (Суждение Духа разума) говорится, что после того как душа праведника поднимется в рай, «все боги и амахраспанды (бессмертные святые) выходят ему навстречу и спрашивают», как она пришла из этого опасного, злого мира в их мир» (Зороастрийские тексты 1997: 86).

Следовательно, мастер определённо (в угоду заказчику) стремился изобразить элементы именно такого необычного здания. То есть основная идея композиции на оссуариях и с Кафиркалы, и из Еттигура – это изображение райской обители.

Важным обстоятельством является и то, что тип оссуария из Еттигура впервые представлен с целым резервуаром. Раньше этот тип ящика-резервуара восстанавливался лишь гипотетически, так как ранее в Самарканде и его окрестностях он был известен только во фрагментах, по которым сложно было судить о его форме и полной орнаментации (например, как выяснилось, их не совсем оправданно относили к овальным). Не менее важно и то, что новая находка оссуария из Еттигура может указывать на существование на северо-западной окраине Афрасиаба еще одного оссуарного некрополя, функционирование которого относится к VII–VIII вв. Причём, судя по обстоятельствам находки, погребения совершались не в наусах, а помещались в землю.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева, СПб.: изд-во Политехнического Университета, 2008. 301 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. / Подгот. Елизаренкова Т. Я. (Литературные памятники). М.: Наука, 1999. 559 с.

Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Памятники письменности Востока / Издание подготовлено О. М. Чунаковой. Вып. 114. М.: Восточная литература РАН, 1997. 352 с.

Богомолов Г. И., Бердимурадов А. Э. Узбекистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 2 / Зороастризм и верования зороастрийского круга. Самарканд: МИЦАИ. 2017. С. 169–281.

Богомолов Г. И. Оссуарии Согда // Согдиана – сердце шелкового пути / Культурное наследие Узбекистана. Т. 35. Ташкент: Silk Road Media & East Star Media, 2020. С. 340–352.

Кармышева Б. Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии / Отв. ред. Басилов В. Н. М.: Наука, 1986. С. 139–181.

Мейтарчиян М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.: ИВ РАН, 1999. 243 с.

Павчинская Л. В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Т. 4. / Самарканд: МИЦАИ. 2019. С. 416.

Павчинская Л. В., Ростовцев О. М. Оссуарии из Сарытепе // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 91–101.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии) // Труды ХАЭЭ. Т. 4. / Отв. ред. С. А. Трудновская М.: Наука, 1971. 125 с.

Ставиский Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда // Сообщения Республиканского Историко-краеведческого музея ТаджССР. Вып. 1. Сталинабад, 1952.

REFERENCES:

Avesta. 2008. In Rtveladze, E. V., Saidov, A. Kh., Abdullayev, Ye. V. (translators and commentators). *Zakon protiv devov (Videvdat). (The Law Against the Devas» (Videvdat)*, St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 301. (In Russian).

Rigveda. 1999. In Yelizarenkova, T. YA. (translator). *Mandaly IX–X (Mandalas IX–X).* Moscow, Literary monuments, Nauka Publ., 559. (In Russian).

Zoroastriyskiye teksty. 1997. In Chunakova, O. M. (composer). *Suzhdeniya Dukha razuma (Dadestan-i menog-i khrad). Sotvoreniye osnovy (Bundakhishn) i drugiye teksty. (Zoroastrian texts. Judgments of the Spirit of Reason (Dadestan-i menog-i khrad).* Foundation Creation (Bundahishn) and other texts). In Monuments of the written language of the East. Issue CXIV. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 352. (In Russian).

Bogomolov G. I. 2020. *Ossuarii Sogda (Ossuaries of Sogd). In Sogdiana – serdtse shelkovogo puti.* Seriya Kul’turnoye naslediye Uzbekistana. Vol. XXXV. Tashkent, Silk Road Media & East Star Media Publ., 340–352. (In Russian).

Bogomolov G. I., Berdimuradov, A .E. 2017. *Uzbekistan. (Uzbekistan).* In *Religii Tsentral’noy Azii i Azerbaydzhana (Religions of Central Asia and Azerbaijan).* Vol. 2. *Zoroastrizm i verovaniya zoroastriyskogo kruga (Zoroastrianism and beliefs of the Zoroastrian circle).* Samarkand, 169–281. (In Russian).

Karmysheva B. Kh. 1986. In Basilov V. N. (ed). *Arkhaicheskaya simvolika v pogrebal’no-pominal’noy obryadnosti uzbekov Fergany (Archaic symbolism in the funeral and memorial rites of the Uzbeks of Fergana).* In *Drevniye obryady, verovaniya i kul’ty narodov Sredney Azii (Ancient rituals, beliefs and cults of the peoples of Central Asia).* Moscow, 139–181. (in Russian).

Meitarchyan M. B. 1999. *Pogrebal’nyy obryad zoroastriytsev (The funeral rite of the Zoroastrians).* Moscow, Institut Vostokoveginiya RAN Publ., 243. (In Russian).

Pavchinskaya L. V. 2019. *Rannesrednevekovyye ossuarii Sogda kak istoricheskiy istochnik (Early medieval ossuaries of Sogd as a historical source.* In *Arkheologiya Tsentral’noy Azii: arkhivnyye materialy (Archeology of Central Asia: archival materials).* Vol. 4. Samarkand: IICAS Publ., 416. (In Russian).

Pavchinskaya L.V., Rostovtsev, O. M. 1988. *Ossuarii iz Sarytepe (Ossuaries from Sarytepe)* In *Istoriya material’noy kul’tury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan),* Issue. 22,Tashkent, 91–101. (In Russian).

Rapoport Yu. A. 1971. In Trudnovskaya S.A. (ed). *Iz istorii religii drevnego Khorezma (ossuarii) (From the history of religion of ancient Khorezm (ossuarie). In TKhAEhEh – Trudy Khorezmskoj arkheologo-*

ehtnograficheskoj ehkspeditsii (Proceedings of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition). Vol. 6. Moscow, Nauka Publ., 125. (In Russian).

Staviskiy B. Ya. 1952. *K voprosu ob ideologii domusul’manskogo Sogda (On the issue of the ideology of the pre-Muslim Sogd).* In *Soobshcheniya Respublikanskogo Istoriko-krayevedcheskogo muzeya TadzhSSR (Messages of the Republican Museum of Local History of the TadzhSSR),* Stalinabad, Issue. 1. (In Russian).

NEWLY DISCOVERED OSSUARIES IN SAMARKAND

© 2023. Bogomolov Gennady, Berdimuradov Amridin, Boliev Bakhriddin
National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov

Keywords: ossuary, Ettigur, Kafirkala, Afrasiab, burial, necropolis, decor, Zoroastrianism, culture

Recent extensive archaeological studies in Samarkand allowed to obtain diverse and fascinating archaeological materials illustrating various aspects of the culture of the local population in different historical periods. Ossuaries occupy a special place among them. Despite the small number of finds, they shed light on the artistic culture and religious ideas of the Sogdians in the pre-Islamic period. The article discusses the latest finds of ossuaries in Samarkand and its environs. One of them was discovered by chance and comes from the modern Muslim cemetery of Yettigur, located opposite the northwestern corner of the settlement of Afrasiab. The second one is represented only by a richly ornamented lid. However, it was found during the excavation of the palace of a wealthy city resident in the ancient site of Kafirkala near Samarkand and comes from a cast layer after a fire in the middle of the 8th century. Those are compared with other previously identified astodans; their dating is substantiated. The elements of decor, their features, and symbolic meaning are considered separately. The Yettigur ossuary type was previously known only from small fragments. Now, for the first time, it has been fully reconstructed. In addition, the discovery of an ossuary in Yettigur may indicate the existence of another ossuary necropolis of the 7th and 8th centuries on the northwestern outskirts of Afrasiab.